

Т. В. Игошева

РАННЯЯ ЛИРИКА

А. А. БЛОКА (1898—1904)

Поэтика религиозного символизма

STUDIA PHILOLOGICA

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
И 26

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012—2018 годы)»

Игошева Т. В.

И 26 Ранняя лирика А. А. Блока (1898—1904): поэтика религиозного символизма. — М.: Глобал Ком, 2013. — 400 с. — (Studia Philologica).
ISBN 978-5-9551-0639-7

Монография представляет собой исследование ранней лирики А. А. Блока в контексте его религиозного мировосприятия. В работе раскрывается содержание целого ряда понятий метафизического, религиозного, мистического содержания, которые легли в основу поэтической книги Блока «Стихи о Прекрасной Даме».

Для исследователей, изучающих историю русской литературы начала XX в., и всех, интересующихся русским символизмом.

ББК 83.3(2Рос=Рус)1

*В оформлении переплета использована картина
Сandro Боттичелли «Благовещение»*

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0639-7

© Т. В. Игошева, 2013
© Глобал Ком, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава первая. Формирование представления о Мировой Душе в лирике А. Блока (1898 — начала 1901 гг.)	15
1. О религиозном характере русского символизма. Общие замечания	15
2. «“Эклектическая” эпоха, умеющая молиться всем богам...»	26
3. Источники религиозного мироощущения Блока. Идея души в поэтическом творчестве Блока 1898—1900 гг. в контексте фетовской лирики	34
4. Идея души в ранней лирике Блока (1899 — начало 1901 гг.) в контексте платонизма и неоплатонизма	60
Глава вторая. Природа: «новое небо и новая земля»	82
1. Своеобразие религиозно-мистической позиции А. Блока	82
2. Блок и доклад В. А. Тернавцева «Русская церковь пред великою задачей»	95
3. Апокалипсическая тема в ранней лирике А. Блока. Проблема соотношения образа и прообраза в поэтике А. Блока	100
4. Идея преображения природного мира в лирике А. Блока 1901—1904 гг.	131
Глава третья. Герой: «Плоть, почти что ставшая духом...»	157
1. Идея преображения человека в контексте религиозно- философских представлений о «новом человеке» конца XIX — начала XX в.	157
2. Идея преображения человека в поэтическом творчестве Блока (1901—1904 гг.)	175
3. Проблема телесности в контексте идеи преображения человека	208
4. Тема смерти в ранней лирике Блока	222
Глава четвертая. Героиня: «Мне дано видеть тебя неизреченную...»	235
1. «Сакральная иерархия» в художественном сознании А. Блока	235

2. Проблема Софии и ее религиозно-философское содержание	247
3. Структура женского образа в лирике Блока (1901—1904)	274
4. Смысл любви и мистического брака в художественном сознании Блока	306
Глава пятая. Богородичный компонент женского образа в раннем творчестве А. Блока	333
1. Формирование интереса Блока к богородичной теме	333
2. «Она росла за дальними горами...»	348
3. Тема Благовещения в составе религиозных представлений Блока и в его лирике 1901—1904 гг.	364
Заключение	395
Список сокращений	398

ВВЕДЕНИЕ

Ранняя лирика Блока воплотила в себе многие идеи, что называется, «витающие в воздухе» начала XX в. Важнейшая среди них — религиозная идея преображения мира и человека. Именно она являлась тем центром, вокруг которого была сосредоточена жизнь ключевых понятий русского символизма: «жизнетворчество», «теургия», «мифотворчество» и др. Непредвзятый взгляд на творческое наследие Блока убеждает, что в его основе лежал религиозный опыт. По словам самого поэта, его «переживания “Прекрасной Дамы”» были «... несомненны»¹. Структура и средства лирического высказывания, темы и мотивы лирики периода «Стихов о Прекрасной Даме» были направлены на воплощение в поэтическом слове именно этой несомненности религиозного переживания. По существу, в своем раннем творчестве Блок ставил вопрос о творческом опыте как опыте религиозном.

По точному слову Г. Флоровского, религия в символизме «превращалась в искусство» «и в духовную реальность надеялись прорваться приступом эстетического вдохновения минуя молитвенный подвиг...»². Блок так и писал в 1916 г. Н. А. Нолле-Коган о своих стихах: они «писались отнюдь не во имя свое, а во Имя и перед Лицом Высшего (или того, что мне тогда казалось высшим, все равно, это покажет будущее, а я и до сей поры думаю так). В этом и есть для меня единственный смысл “Стихов о Прекрасной Даме”, которые, в противном случае, я бы считал “стишками”, т. е. делом, о котором лучше молчать» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 2. С. 326).

Однако в этом «дерзновенном» требовании слияния религиозного самосознания с эстетикой таилась трагедия, о которой Б. Энгельгардт в 1921 г. точно заметил: «...в символизме нашла свое прямое выражение великая трагедия современного поэтического слова, которое, задыхаясь среди каменеющих громад понятийно-чувственных созерцаний нигилистического сознания, бунтует и бьется и истекает кровью, пытаясь во что бы то ни стало раздвинуть

¹ Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903—1919 / Публ., предисл. и комм. А.В. Лаврова. М., 2001. С. 193.

² *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 458.

тесные стены своей темницы и вырваться из душного подземелья на светлые просторы религиозного приятия жизни»³. «Религиозное приятие» жизни как русских символистов в целом, так и Блока в частности, не являлось чем-то абстрактным и неопределенным, Их религиозное чувство, стремившееся стать не только мироощущением, но и мировоззрением, проявляло себя в достаточно отчетливых и системных представлениях. Как показывают исследования последнего времени, формы религиозного сознания русских символистов, системность их религиозно-мистических воззрений поддаются исследованию и до определенной степени — реконструкции.

Анализ современного состояния научного освоения раннего творчества Блока приводит к выводу о недостаточной его изученности. Особенно это касается поэзии периода «*Ante lucem*» и «Стихов о Прекрасной Даме». И осмысление религиозно-мистических категорий, которыми оперировал в то время Блок, и анализы его конкретных поэтических произведений нуждаются в более кардинальной и детальной проработке. Складывающиеся в современной истории литературы представления по интересующей нас проблеме нуждаются в корректировке и существенных дополнениях.

В раннем творчестве Блока складывается и приобретает известную целостность особого рода картина, мистическая по содержанию и оформленная по законам лирики. Ее суть — в своеобразном универсализме мистической доминанты, охватывающей и героя («я»), и героиню («Ты») во всех ее модификациях, и мир природного бытия, выступающий в поэзии Блока и как среда, условно говоря, обитания лирических персонажей, и как область устремлений «я» и природы, возникновения, сущности героини. Мистическая направленность мироощущения молодого поэта обуславливает напряженность его переживаний и мотивирует цельность и разветвленность той картины мира, которая без учета индивидуальных особенностей мистицизма поэта оказалась бы фрагментарной и недопроявленной.

Еще до недавнего времени религиозное содержание блоковского творчества являлось дискуссионным. Тенденция отодвигать религиозно-мистические стороны блоковского творчества на задний план наметилась уже в 1920-е гг. Одним из первых литературоведов эту тенденцию наметил И. Машбиц-Веров. Во вступительной статье к тому избранному стихотворению Блока, вышедшему в 1927 г., Машбиц-Веров обозначил свои исследовательские позиции следующим образом: «Мы

³ *Энгельгардт Б. В пути погибший // Об Александре Блоке. Пб., 1921. С. 17.*

вовсе не собираемся отрицать, что Блок был мистиком и что огромная часть его поэзии вскормлена мистической музыкой. Мы только подчеркиваем, что в творчестве великого поэта была и другая струя земная и языческая»⁴; «Чтобы быть великим, поэту вовсе не нужно средневековое одеяние иноков, ризы и церковная святость. Наоборот, угар от восковых свечей мистических богослужений искажает образ великого поэта»⁵. И далее: «Развитие поэтики Блока, как и эволюция самого поэта, шла по линии освобождения от мистики и вместе с ней — от символически абстрактной поэзии, шла в направлении все большего овладения прекрасными конкретно-четкими формами русского классического реализма»⁶. В настоящее время статья Машбиц-Верова привлекла внимание Н. В. Котрелева, который подчеркивал: «Статья Машбиц-Верова заслуживает внимательной неблагодарной памяти — это одна из первых и удачных попыток сформулировать ту схему, в которую улеглось советское истолкование творчества Блока на три четверти века, с которою вынужденно должны были считаться, по сути дела, все, кто писал о поэте»⁷. Совершенно ясно, что на сегодняшний день схема, намеченная Машбиц-Веровым, не выдерживает критики.

Обращаясь к ранней лирике Блока, исследователи сталкивались с проблемой затрудненности ее толкования⁸. До сих пор мы очень немного знаем о собственном внутреннем смысловом наполнении его ранних стихотворений. Подчеркнем: не о биографическом материале, лежащем в ее основе, и преломленном в них, а об имманентном содержании, уходящем корнями в религиозно-мистические представления Блока. До наших дней они остаются на уровне самых общих представлений о Софии, Вечной Женственности, Душе Мира как мистическом источнике лирики раннего Блока. Только в последнее время начался процесс исследовательского углубления и конкретизации этих общих мистических представлений.

Уже в 1960-е гг. З. Г. Минц справедливо писала:

«Очень часто откровенную мистичность концепций “Стихов о Прекрасной Даме” путают с неясностью, нечеткостью. Это

⁴ *Машбиц-Веров И.* Блок и современность // Блок А. Избранные стихотворения / Ред. П. Медведева. М., 1927. С. XIV.

⁵ Там же. С. XIV.

⁶ Там же. С. XLIV.

⁷ *Белый А.* Конспект введения к лекции «Блок» (Тифлис <19>27 г.) / Вступит. ст. и публ. Н. В. Котрелева // Наше наследие. 2005. № 75—76. С. 104.

⁸ Так, например, В. Енишерлов писал о «сложнейших текстах первого тома лирики Блока» (*Енишерлов В.* У стен московского кремля (Московские встречи А. Блока) // С любовью и тревогой. Статьи. Очерки. Рассказы. М., 1990. С. 362).

вряд ли справедливо. Конечно, “эзотерический” (тайный) язык, которым Блок стремился выразить свои мистические настроения, мало понятен в ряде его оттенков современному читателю. Но это не значит, что слова подобного языка были лишены — для Блока и для людей, идейно и эстетически ему близких, — определенных значений, находящихся друг с другом в достаточно четких соответствиях»⁹.

Сложность религиозно-символического языка раннего Блока заключается не только в особом «архаизировании» внутреннего опыта молодого человека начала XX в. (хотя и в этом тоже). Более сложная, чем блоковская, художественная система Вяч. Иванова, в последнее время достаточно успешно подвергается историко-литературной реконструкции, поскольку проблема прочтения Вяч. Иванова упирается чаще всего в источники. Известны источники — понятна логика возникновения той или иной образной, мотивной, лейтмотивной системы того или иного произведения Вяч. Иванова. Случай с Блоком другой. Даже имея основательные представления о круге чтения Блока, зачастую невозможно ответить на «элементарный» вопрос: «О чем его данное стихотворение?»

З. Г. Минц была совершенно права: действительно, эзотерический по своему характеру поэтический язык Блока имел, тем не менее, свое конкретное смысловое наполнение. Так же была права и А. А. Кублицкая-Пиоттух, когда писала, что в случае с Блоком «о зыбкости и расплывчатости не могло быть и речи».

В настоящее время необходимо не только констатировать «конкретное смысловое наполнение» эзотерического языка поэта, но и исследовать его состав, границы, детали. С достаточной степенью убежденности и доказательности можно утверждать, что в основе раннего творчества Блока лежала религиозно-мистическая идея, в полной мере не укладывающаяся в рамки ни православной, ни католической догматики, но имеющая и с той и с другой серьезные переклички. Эта идея не исходила в полной мере ни из одной архаической религиозно-философской или мифологической системы (будь то платонизм или гностицизм), и не совпадала полностью ни с одной из новейших «религиозных систем»: ни с Вл. Соловьевым, ни с Мережковским, ни с Андреем Белым или Вяч. Ивановым, ни с кем бы то ни было другим. Однако при этом у нее были с каждой из них определенные точки соприкосновения, моменты сближения и расхождения,

⁹ Минц З. Г. Лирика «первого тома» // Минц З. Г. Поэтика Александра Блока. СПб., 1999. С. 17.

переключки и аналогии. Блоковская религиозно-мистическая идея, лежащая в основании его творческого пути, не будучи ни у кого заимствованной в полном объеме, была вполне «самодеятельной», если так можно выразиться, и полигенетической по своему характеру, что вовсе не уменьшает эстетические достоинства творчества поэта. Отсюда вытекает другая сторона эзотерической природы поэтического языка раннего Блока: его невозможно перевести *только* на язык религиозно-церковной образности (также символической по своей природе) без потерь как для эстетической, так и смысловой стороны дела.

Нужно сразу отметить: религиозность присутствует в блоковском творчестве в пластах несравненно более глубоких, чем самоочевидные лексический или образно-тематический. Она не только пронизывает весь его состав — от раннего к позднему периодам творчества, но и генерирует, и оформляет, и диктует собственно художественные смыслы его поэзии. Поэтому задача данной книги не столько — вычленение образов и мотивов религиозно-мистического характера, сколько — выявление той генеральной религиозно-мистической идеи, которая порождает эти конкретные образы и мотивы.

В целом же необходимо согласиться с мнением В. А. Сапогова, глубоко понимавшем раннюю лирику Блока: «...Произведение, названное случайно и неточно — “Стихи о Прекрасной Даме”, — становится одним из самых непонятных и в то же время бесконечно притягательных текстов русской поэзии»¹⁰.

Увлечение софиологией — значительный период русской религиозной мысли, получившей свое формирование в рамках философии Вл. Соловьева. Целое поколение не только религиозных мыслителей, но и поэтов и писателей отдали ей дань. По позднейшим оценкам все течение софиологии оказалось неким отклонением от центральной христианской богословской традиции. Постсимволистскому поколению поэтов пришлось возвращаться с позиций собственно софиологических, утверждавшихся русским символизмом, на традиционно христологические и даже христоцентрические позиции (О. Мандельштам «Скрябин и христианство» (1917), поэтическое творчество А. Ахматовой, роман Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» и др.).

Изучение в последние годы символистского и околосимволистского наследия позволяет прийти к заключению, что «русский символизм за время своего недолгого существования окружил себя

¹⁰ Сапогов В. А. Первая книга А. Блока «Стихи о Прекрасной Даме» // Блок А. Собр. соч.: В 12 т. Т. 1. Стихи о Прекрасной Даме (1904). Стихотворения. Книга первая (1898—1904). М., 1995. С. 435.

совершенно особой духовной атмосферой, пронизанной мистическим восприятием жизни»¹¹.

Наряду с элементами лирического сюжета как начала динамического, в формировании поэтики «Стихов о Прекрасной Даме» большую роль играет и символика в качестве начала статического (по отношению к лирическому сюжету). Именно символика в конечном счете задает определенную парадигму, в рамках которой мы способны в той или иной мере адекватно авторскому замыслу прочесть религиозно-мистическое содержание «Стихов о Прекрасной Даме».

До сих пор остается без ответа целый ряд вопросов, среди которых здесь назовем лишь некоторые: что именно, в понимании Блока, скрывается за соловьевским именованием Софии? Почему блоковская софиология противопоставлена Христу («Никогда не приму Христа»), в то время, как и у Вл. Соловьева, и у многих блоковских современников вопросы софиологии и христологии понимались как тесно смыкающиеся и вытекающие друг из друга? Каково отношение Блока к христианской догматике (православной и католической), что из нее входило в состав его мировоззрения, а что — нет? Каковы истоки и источники уточнения и определения метафизических и мистических представлений раннего Блока? и т. д.

В 1917 г. Блок записал в дневнике: «Всякая мысль прочна и завоевательна только тогда, когда верна основная схема ее, когда в ее основании разумеется чертеж сухой и единственно возможный. При нахождении чертежа нельзя не руководствоваться вековой академической традицией, здравым и, так сказать, естественным разумом» (Блок — 8: 7, 276). Поскольку нас интересовала именно блоковская *идея*, «ее основная схема», «сухой чертеж», по слову самого Блока, генерировавшая создание конкретных лирических произведений, мы не ставили перед собой задачу исследования «Стихов о Прекрасной Даме» (1904) как неповторимой художественной структуры в ее целостном жанровом и художественном составе «книги стихов». В качестве материала исследования мы имеем в виду не только состав первой поэтической книги («Стихи о Прекрасной Даме») Блока 1904 г., но и весь корпус стихов, написанных им в период 1898—1902, отчасти 1903—1904 гг. Мы сознательно отказались от анализа ранней лирики Блока в составе того или иного издания поэтической книги «Стихи о Прекрасной Даме». История публикации «Стихов о Прекрасной Даме» уже неоднократно привлекала внимание

¹¹ Павел Флоренский и символисты. Опыт литературные. Статьи. Переписка / Сост., подгот. текстов и коммент. Е. В. Ивановой. М., 2004. С. 442.

исследователей¹², поэтому здесь мы не будем останавливаться на ней¹³. Поскольку преимущественно нас интересовала проблема состава комплекса религиозных идей, воплощенных в поэтическом слове раннего Блока, а не структура и внутренняя логика большой формы поэтической книги сама по себе, наши характеристики и описания обращены к этой системе в основном вне ее исторического становления, система предстает в этом случае как готовый и непротиворечивый результат.

Конечно, блоковская поэтическая система даже за столь непродолжительное развитие (с 1898 по 1904 гг.) вобрала в себя различные тенденции и направления. Но при взгляде на раннее творчество Блока для нас был важен прежде всего тот готовый итог, который вошел в историю русской поэзии под именем «поэтический мир Блока». Однако, руководствуясь этой генеральной установкой, мы не отказались вовсе от эпизодических наблюдений за динамикой тех или иных мотивов, образов, идей в срезе не только условно статическом (результатирующем), но и динамически-хронологическом. Такой подход обусловил наше обращение не только к поэтическому наследию Блока, публиковавшемуся при его жизни в составе какого-либо из изданий, но и к той его части, которая была издана посмертно.

Хорошо известны тенденция и динамика расширения состава неопубликованных ранее (хотя и написанных уже в период «*Ante lucem*» и «Стихов о Прекрасной Даме») текстов. Она прослеживается от издания 1904 г. к последующим изданиям 1911, 1916, 1918 и 1922 гг. Исходя из тенденции к расширению состава поэтической книги «Стихи о Прекрасной Даме», возможно сделать предположение, что корпус неопубликованных поэтических текстов является своеобразным резервуаром, из которого для каждого последующего издания Блок черпал «недостающие» для восстановления логики его «пути» тексты. В своей книге мы обращаемся к этому «резервуару»

¹² См.: Сапогов В. А. Первая книга А. Блока «Стихи о Прекрасной Даме» // Блок А. Собр. соч.: В 12 т. Т. 1. Стихи о Прекрасной Даме (1904). Стихотворения. Книга первая (1898—1904) / Сост., общ. ред., предисл., коммент. С. С. Лесневский. М., 1995; Минц З. Г. О первом томе лирики Блока // Блок А. А. Полное собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 1. Стихотворения. Книга первая (1898—1904). М., 1997; Кузнецова О. А. Первый лирический сборник Александра Блока (1904). К истории создания. М., 1999.

¹³ Напомним лишь, что первое издание «Стихов о Прекрасной Даме» состоялось осенью 1904 г., затем последовательно в 1911, 1916, 1918 гг. Работу над последней редакцией «Стихов о прекрасной Даме» Блок закончил в 1920 г. Издание вышло посмертно — в 1922 г.

прижизненно неопубликованных текстов или к текстам, опубликованным гораздо позже первого периода творчества («За гранью прошлых лет») наравне с теми текстами, которые входили в состав пяти подготовленных самим Блоком изданий «Стихов о Прекрасной Даме».

До сих пор широко распространено мнение, что «Ante lucem» и «Стихи о Прекрасной Даме» — наиболее «темный» период в поэтическом наследии Блока. В. Н. Быстров, совместно с В. А. Сапоговым комментировавший раздел «Ante lucem» для полного собрания сочинений и писем в двадцати томах, справедливо отмечал:

«Источников для комментирования стихов данного раздела сравнительно немного: художником уничтожены записные книжки и дневники того времени, довольно мало эпистолярных и мемуарных свидетельств, а также отзывов современной Блоку критики. Поэтому существенное значение приобретают автокомментарии поэта, сделанные им в дневнике 1918 года, когда он задумал снабдить книгу “Стихи о Прекрасной Даме” необходимыми пояснениями, “которые помогли бы понять ее единственно нужное содержание другим” (замысел был реализован лишь частично). Кроме того, достоверные сведения о жизни Блока в те годы имеются в обстоятельных мемуарах его первого биографа — М. А. Бекетовой»¹⁴.

В процессе проникновения в содержание и состав идеи «Стихов о Прекрасной Даме», отмеченной отчетливыми религиозно-мистическими чертами, нам потребовалось обращение к источникам, в которых типологически близкий блоковскому религиозно-мистический опыт, был запечатлен более развернуто. Это касается как предшественников Блока (Я. Бёме, Вл. Соловьев), так и его современников, независимо от него приходивших к более или менее сходным мистическим представлениям (Андрей Белый, А. Н. Шмидт). Кроме того, мы активно опирались на воззрения таких русских философов-софиологов, как Н. А. Бердяев, П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков, работы которых по интересующей нас теме были, как известно, написаны позже выхода в свет первой книги Блока. Хроникальное расхождение нами учитывалось, но привлечение этих источников в работе оказалось, на наш взгляд, возможным, поскольку формирование софиологии у названных лиц не только

¹⁴ Быстров В. Н. Александр Блок. Стихотворения. Книга первая (1898—1904) // Блок А. Собр. соч.: В 12 т. Т. 1. Стихи о Прекрасной Даме (1904). Стихотворения. Книга первая (1898—1904) / Сост., общ. ред., предисл. С. С. Лесневского. М., 1995. С. 439—440.

проистекало из одного, важнейшего и для автора «Стихов о Прекрасной Даме», источника — поэзии и философии Вл. Соловьева, но и развивалось в контексте и контакте с религиозно-мистическими переживаниями самих поэтов-«соловьевцев», — Андрея Белого, Вяч. Иванова и Александра Блока.

Исследование религиозно-софиологических вопросов, которые в начале XX в. волновали далеко не одного Блока, выявляло несводимость к единству взглядов разных философов, мистиков и художников. Их разноречивые мнения определяют поле и границы религиозно-мистических проблем и намечают пути их решения, предлагавшиеся в начале XX века всеми «Взыскующими Града». Пересечение различных мнений по религиозно-мистическим вопросам в самом начале XX в. формирует и тот совершенно необходимый для воссоздания полноты картины контекст умозрений, концепций и идей, на фоне которого более рельефно и четко вырисовываются грани индивидуальной, личностно отмеченной блоковской идеи.

Исследование поэтической идеи Блока не мыслится в отрыве от литературно-культурного контекста эпохи начала XX века. Рассуждая о специфике гуманитарной мысли, М. М. Бахтин писал:

«В какой мере можно раскрыть и прокомментировать *смысл* (образа или символа)? Только с помощью другого (изоморфного) смысла (символа или образа). Растворить его в понятиях невозможно. <...> Может быть либо *относительная* рационализация смысла (обычный научный анализ), либо углубление его с помощью других смыслов (философско-художественная интерпретация). Углубление путем расширения далекого контекста»¹⁵.

В книге используются те пути раскрытия смысла, которые обозначил и наметил в качестве перспективы Бахтин, однако, особое внимание уделяется углублению смыслов путем расширения контекста. Искания философского, религиозного, эстетического характера — многообразный и сложный по своему составу контекст, внутри которого формировалась и развивалась поэтическая концепция Блока и лежащая в ее основе религиозно-мистическая составляющая.

В данной книге речь пойдет прежде всего о том контексте, из которого творчество Блока было на долгие годы искусственно изъято в отечественном литературоведении советского периода, в результате чего длительное время мы имели искаженное (и научное,

¹⁵ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 362.

и, следовательно, популярное) представление об авторе «Стихов о Прекрасной Даме». Мы имеем в виду как контекст религиозных исканий, столь свойственных многочисленным представителям эпохи начала XX века, так и контекст религиозно-мистических представлений самого Блока, которые зачастую практически никак не учитывались при анализе творчества Блока. На сегодняшний день дело фактически обстоит следующим образом: большая часть блоковских текстов — опубликована, однако лишь в очень малой степени эти тексты изучались с точки зрения религиозных исканий поэта.

Мы не стремимся выявить все многообразные корни полигенетической религиозной составляющей творчества Блока. По этому поводу можно согласиться с мнением одного из современных исследователей: «Меньше всего поэт хотел генетической определенности своих стихов, скорее, напротив, он стремился очистить поэтический текст от реалий бытовых, исторических и религиозных»¹⁶. Но очертить контуры религиозной идеи, являвшейся источником для создания конкретных поэтических произведений Блока и обрисовать некоторый типологический контекст для нее — задача, на наш взгляд, вполне реальная и результативная.

Задача нашей книги заключается не столько в том, чтобы ликвидировать данное «белое пятно» и в биографии и в творчестве Блока, сколько в том, чтобы привлечь исследовательское внимание к этой чрезвычайно важной и столь мало изученной теме.

---

¹⁶ Эткнд А. Хлыст (Секты, литература и революция). М., 1998. С. 334.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Формирование представления о Мировой Душе в творческом сознании А. Блока (1898 — начала 1901 гг.)

1. О религиозном характере русского символизма. Общие замечания

Прижизненная критика Блока практически сразу же стала отмечать как религиозные мотивы его лирики, так и рассуждать об их мистической основе. Наиболее значимой в этом смысле остается книга К. И. Чуковского «Александр Блок как человек и поэт», вышедшая в 1924 г.¹ Давая общую оценку раннему творчеству Блока, Чуковский отмечал: «Вообще его первая книга была самая религиозная книга изо всех за десятки лет»². Однако при жизни поэта наметилась и иная трактовка его творчества. Так, в 1912 г. Н. С. Гумилев призывал читателей к буквальному пониманию блоковских текстов и предлагал считать, что в стихах поэт «просто описывает свою собственную жизнь»³.

Мнение о том, что в своем творчестве Блок «просто описывает свою собственную жизнь», в настоящее время представляется несостоятельным. Даже поверхностный взгляд на полный состав наследия Блока свидетельствует, что на протяжении своего творческого пути он интересовался самыми крупными вопросами философского, исторического, историософского, социально-исторического, религиозного и мистического характера. Однако, если представление о его творчестве с точки зрения философской и исторической в современном блоковедении все же углубляется и уточняется,

¹ Первое издание (меньшее по объему) называлось: Книга об Александре Блоке. Пб., 1922. А доклад, легший в основу книги Чуковского, был прочитан еще при жизни Блока, в 1921 г.

² Чуковский К. И. Соч.: В 2 т. Т. 2. Критические рассказы. М., 1990. С. 437.

³ Гумилев Н. Александр Блок. Собрание стихотворений. Кн. 1—3. М.: Мусaget, 1911—1912 // Александр Блок: Pro et contra. Личность и творчество Александра Блока в критике и мемуарах современников. Антология / Сост., вступит. ст., прим. Н. Ю. Грякаловой. СПб., 2004. С. 204.

то с позиций религиозного содержания до последнего времени оно привлекало к себе явно недостаточное внимание.

Тем не менее сегодня необходимо признать, что новаторские устремления, блоковский пафос открывателя новых миров были направлены не только в сферу эстетическую, но и метафизическую, религиозную. Эстетические нововведения поэта были достаточно быстро «канонизированы» последующим развитием русской лирики XX века, тогда как его религиозно-мистические «открытия» не вошли, да и, безусловно, не могли войти в состав общей церковно-православной жизни, оставаясь гранью его индивидуального творческого мировоззрения. В этой ситуации оно тем более нуждается в описании, чем сильнее оно отличается от канонов православия и католичества.

В 1907 г. Д. С. Мережковский весьма точно заметил, что мистика в культурном обществе России начала XX века — по своей сути самодеятельна, поскольку не имеет живой (не книжной) мистической традиции: «Русские декаденты — первые в русском образованном обществе, вне всякого предания церковного, *самозародившиеся мистики* <...>»⁴. Это замечание справедливо в том смысле, что независимо друг от друга и от собственно церковной традиции в начале XX в. возникло несколько культурных (преимущественно светских по своему характеру) «центров», тяготевших к религиозной мысли и нуждавшихся в религиозно-мистическом переживании. Здесь необходимо назвать и салон Мережковских в их квартире на Литейном в Петербурге, и круг людей вокруг семьи Соловьевых в их квартире на Арбате в Москве. Это и московские «аргонавты» во главе с Андреем Белым, литературное становление которого происходило в лоне семьи Соловьевых, и петербуржец Александр Блок, первые поэтические опыты которого также были поддержаны чуткой к новым веяниям в искусстве семьей Соловьевых. Но вызревание религиозно-мистического осмысления жизни происходило глубоко в недрах духовной жизни каждого из них, и в начале века еще только готовились отлиться в собственно художественные формы.

Будучи студентом юридического (пока даже не филологического) факультета Петербургского университета, Блок писал отцу о своей внутренней, духовной жизни: «...изо дня в день живу религиозной мистикой, и к этим переживаниям не имеет доступа ни один из моих профессоров»⁵. Это признание — яркое свидетельство

⁴ Мережковский Д. С. Революция и религия // Мережковский Д. С. Не мир, но меч. Харьков; М., 2000. С. 75.

⁵ Блок А. Письма к родным. Л., 1927. Т. 1. С. 78.

тому, что внешнее, социальное лицо Блока-студента не совпадало с его подлинными духовными устремлениями, глубоко укрытыми от глаз университетских «профессоров». Сразу же необходимо сказать, что «религиозная мистика», о которой говорил Блок, носила у него очень своеобразный, в определенной степени уникальный характер.

Дело не изменилось и с переходом с юридического на историко-филологический факультет, состоявшимся осенью 1901 г., и его дальнейшим обучением здесь. Например, 30 декабря 1903 г. он вновь сообщает отцу о своих взаимоотношениях с профессорами: «...существует черта, на которую ни один из моих профессоров до смерти не ступит: это — религиозная мистика. Живя ею изо дня в день, я чувствовал себя одно время нещадно гонимым за правую веру. Лучшее, что предлагалось взамен религии, была грамматика»⁶. Это признание звучит еще значительнее, если мы будем помнить о позитивизме, царившем в то время в университетах. Блоку требовалась пища духовная, а ему вместо этого предлагалась «грамматика».

Аналогичная ситуация складывалась и с Андреем Белым — студентом естественного факультета Московского университета, внутренние интересы которого были направлены в сторону апокалипсических чаяний, мистики⁷ и «аргонавтизма». Эти духовные искания протекали в то время, когда ему приходилось изучать курсы естественнонаучного характера.

Необходимо подчеркнуть, что «религиозная мистика», о которой писал Блок, носила у него действительно ярко индивидуальный, «авторский» характер. И задача историка литературы не осуждать и порицать «еретические» представления Блока, как это иногда делается в современных исследованиях, а выявлять в составе и структуре мировоззрения поэта элементы его религиозных представлений, питавших его на раннем этапе творчества. Здесь уместно вспомнить и применить к действию слова П. М. Бицилли, который утверждал, что «историк вынужден считаться с формами восприятия мира в тот или другой исторический момент»⁸. Вслед Бицилли скажем, что историк литературы, обращающийся к изучению творчества Блока, вынужден считаться с блоковскими «формами восприятия мира».

В своей книге о Блоке В. А. Сарычев справедливо отмечал, что разговор о художественной системе Блока как органическом целом

---

⁶ Письма Александра Блока к родным. С. 96—97.

⁷ Опыт исследования мистических представлений А. Белого см.: *Спивак М. Л.* Андрей Белый — мистик и советский писатель. М., 2006.

⁸ *Бицилли П. М.* Элементы средневековой культуры. СПб., 1995. С. 132.

«неизбежно вовлечет в свою орбиту вопросы о мировоззрении поэта и, следовательно, побудит к серьезному анализу религиозной концепции А. Блока — проблема, совершенно непопулярная в советском блоковедении и поныне не вызывающая особого энтузиазма в научных кругах»⁹.

С одной стороны, это действительно так, и причины этого, в общем-то, ясны. С другой стороны, сложность обсуждения этого вопроса обусловлена самой природой поэтического творчества раннего Блока. В начале 1920-х гг. Андрей Белый, размышляя об этом, писал: «Подчеркиваю заслоненный от всех лик тогдашнего Блока: глубокого мистика; Блока такого не знают; меж тем: без узнавания Блока сколь многое в блоковской музе звучит по-иному. Поэтам, пришедшим на смену нам, этот язык наших писем звучал бы “невнятицей”; лансировали “прекрасную ясность”»¹⁰.

Один из современных исследователей достаточно точно, на наш взгляд, обозначил суть этой проблемы. Он отмечал, что «уже следующее поколение быстро теряло понимание смысла “верований Блока”»¹¹. Подтверждают это суждение и слова Е. Книпович, близко знавшей Блока в последние годы его жизни. Она признавалась: «Я никогда не понимала (и не притворялась, что понимаю) тех мистических переживаний, которые стоят за искусством в “Стихах о Прекрасной Даме”»¹². Мысль о существовании определенного порога в процессе восприятия и понимания блоковского творчества высказывал и Д. Е. Максимов: «... контакт с ним современного эстетического сознания ограничен. Многое в Блоке для многих из нас невоспринимательно, а сам Блок, “нынешний Блок”, как это обычно бывает, воспринимается лишь в определенных его аспектах»¹³.

В этих и подобных им выражениях осуществлялась, собственно говоря, постановка проблемы дистанции между Блоком-личностью и Блоком-художником, которая была обусловлена самой природой символистского искусства, не предполагавшего, а зачастую и отрицавшего необходимость *психологического самовыражения*

⁹ Сарычев В. А. Александр Блок. Творчество жизни. Воронеж, 2004. С. 6.

¹⁰ Белый Андрей. О Блоке. Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи / Вст. ст., сост., подг. текста и коммент. А.В. Лаврова. М., 1997. С. 48.

¹¹ Эткинд А. Указ. соч. С. 313.

¹² Книпович Е. Об Александре Блоке. Воспоминания. Дневники. Комментарии. М., 1987. С. 31.

¹³ Максимов Д. Е. Об Анне Ахматовой, какой помню // Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991. С. 102.

в рамках художественного произведения. Несмотря на то, что «Стихи о Прекрасной Даме» принято (вслед за самим Блоком) называть «лирическим дневником», в них зафиксировано не психологические, а метафизические и религиозно-мистические переживания поэта, которые, впрочем, действительно записывались практически с дневниковой регулярностью.

Эта черта была особенно свойственна Блоку в пору его поэтического становления. Книпович дала ей достаточно точную характеристику: для более полного понимания «Стихов о Прекрасной Даме» и ранней лирики Блока в целом необходимо иметь более отчетливые представления о собственно мистических переживаниях, питавших его лирическую эмоцию.

О другой стороне восприятия блоковской лирики уже в первую годовщину смерти Блока пронизательно написал Осип Мандельштам: «Еще с первых же шагов его посмертной жизни мы должны научиться познавать Блока, бороться с оптическим обманом восприятия, с неизбежным коэффициентом искажения. Постепенно расширяя область безусловного и общеобязательного знания о поэте, мы расчищаем дорогу его посмертной судьбе»¹⁴.

***

В конце 1904 г. вышла в свет книга стихов А. Блока «Стихи о Прекрасной Даме»¹⁵, которая во многом создала лицо эпохи, определила ее характернейшие черты. «“Стихотворения о Прекрасной Даме”, — писал Андрей Белый, — эпоха в поэзии русской; ни Брюсов, ни Бальмонт, ни Вячеслав Иванов не дали своей суммой книг того мощного напряжения поэзии, которое нас встречает в одном первом томе А. А. 1904 год есть действительно праздник в поэзии русской»¹⁶.

В своей поэтической книге Блок действительно создал уникальную картину мира, несущую на себе печать оригинальности не только собственно художественном, поэтическом, но и религиозном

---

¹⁴ Мандельштам О. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1993. С. 252.

¹⁵ Говоря о «Стихах о Прекрасной Даме», мы будем иметь в виду не какое-то из определенных изданий, но ту общность поэтической мысли, о которой Л. Я. Гинзбург писала как об идее, «сообщающей контексту динамическую силу» (*Гинзбург Л. Я. О лирике. М., 1997. С. 250*). Общая хронология, структура и состав «Стихов о Прекрасной Даме» год от года менялись (1904, 1911, 1916, 1918, 1922), но общая идея оставалась неизменной, притом, что Блок постоянно работал над уточнением и детализацией ее граней.

¹⁶ *Белый Андрей. О Блоке. С. 128.*

плане. Известно, насколько заинтересованно относился поэт к переизданиям своей первой книги: вносил изменения в поэтические тексты, включал те тексты, которые не входили в состав первого издания, менял названия разделов и т. д. Изменения, вносившиеся Блоком от издания к изданию «Стихов о Прекрасной Даме», имели, с его точки зрения, не только эстетический характер, но и характер уточнений их религиозно-мистического содержания. Поправки отражали его стремление расположить поэтический материал так, чтобы он наиболее адекватно отражал те из его религиозных чувств и мистических переживаний, которые определяли его духовный путь в 1898—1904 гг. Сделать книгу более доступной читателю — в том числе и этим он был озабочен в 1918 г., когда намеревался снабдить ее собственными комментариями по образцу «*Vita nuova*» Данте.

Религиозно-мистический характер творчества Блока не был чем-то «темным», совершенно недоступным для его современников, каким он стал для современного читателя. Наиболее чуткие из блоковских современников чувствовали органичность связи религиозно-мистического содержания с новой поэтической формой.

«Для всякого, кто следил за судьбами символизма, связь литературного движения с религиозным несомненна»¹⁷, — отмечал в 1914 г. В. М. Жирмунский. Символисты и близкие их кругу литераторы были вполне согласны с этим мнением. Так, например, эту мысль в книге Жирмунского выделил Вяч. Иванов, поддержавший мнение филолога-германиста о близости русского символизма немецким романтикам. «Заслуга Жирмунского в том, — отмечал он, — что, ставя по примеру своего учителя в средоточие романтического движения Новалиса, он показал, что движение это — по преимуществу — мистически-религиозно»¹⁸ (*Иванов*: 4, 254). Любовь Гуревич в своей рецензии на книгу Жирмунского также подчеркивала: «Не подлежит сомнению, что явления раннего немецкого романтизма представляют совершенно исключительную родственность тому, что переживалось нами в литературе на пороге XX столетия под именем символизма»¹⁹.

¹⁷ Жирмунский В. М. *Немецкий романтизм и современная мистика*. СПб., 1996. С. 204.

¹⁸ *Иванов Вяч. И.* Собр. соч.: В 4 т. Брюссель, 1971—1979. Ссылки на это издание в тексте работы даются в скобках с указанием тома и страницы.

¹⁹ *Гуревич Любовь.* *Немецкий романтизм и символизм нашего времени // Русская мысль*. 1914. № 4. С. 102.